

ДИАЛЕКТИКА ДВУХ ТИПОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ В «АВТОРСКОЙ ИСПОВЕДИ» Н. В. ГОГОЛЯ

Ю. В. Балакшина

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

Поступила в редакцию 6 марта 2014 г.

Аннотация: *Статья посвящена проблеме со- и противопоставления двух типов просвещения – европейского и древнерусского – в позднем автобиографическом тексте Н.В. Гоголя, известном под названием «Авторская исповедь». В статье анализируются также типологические связи между гоголевской концепцией «просвещения» и религиозно-философскими идеями славянофилов.*

Ключевые слова: *Н.В. Гоголь, «Авторская исповедь», просвещение, славянофилы.*

Abstract: *The article is devoted to the problem of the relation and contrast of the European and Old Russian enlightenment in the autobiographical text by Nikolai Gogol known as the «Author's Confession». The article also presents the typological links between Gogol's conception of "Enlightenment" and the religious and philosophical ideas of Slavophiles.*

Key words: *Gogol, «Author's Confession», enlightenment, slavophiles.*

Тема со- и противопоставления двух типов просвещения – европейского и древнерусского – была одной из центральных тем религиозно-философской и историософской мысли славянофилов. В 1852 году в «Московском сборнике» была опубликована статья И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» [1, 174-222], на которую А.С. Хомяков откликнулся статьей «По поводу статьи И.В. Киреевского “О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России”» [2, 197-262]. Сходные идеи высказывались славянофилами в статьях середины 1840-х годов: «Обозрение современного состояния литературы» (И.В. Киреевский, 1845 г.), «Мнение иностранцев о России» (А.С. Хомяков, 1845 г.). Идеи Киреевского и Хомякова, безусловно, повлияли на взгляды Гоголя и определили собой тот образ «просвещения», который был создан писателем в книге «Выбранные места из переписки с друзьями». Об отношении Гоголя к идеям славянофилов о различных типах просвещения убедительно писали Е.И. Анненкова [3, 289-298], М.А. Аверьянова [4, 84-91], Е.В. Сартаков [5]. В главе «Просвещение», вошедшей в состав «Выбранных мест из переписки с друзьями», Н.В. Гоголь противопоставил европейскому просвещению, задача которого «научить, или наставить, или образовать» человека [6, 285], просвещение церковное, православно-русское, способное «насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь» [6, 285]. По мысли и стилистическому выражению высказывания Гого-

ля вполне могут быть соотнесены с некоторыми публицистическими размышлениями Хомякова: «Просвещение не есть только свод и собрание положительных знаний: оно глубже и шире такого тесного определения. Истинное просвещение есть разумное просветление всего духовного состава в человеке или народе» [7, 26].

Недоверие Гоголя к европейскому просвещению вызвало резкую критику В.Г. Белинского, высказанную как в статье «Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. СПб. 1847», так и в письме из Зальцбрунна от 15 июля 1847 года. Отвечая на критику Белинского, Гоголь в «Авторской исповеди» дважды возвращался к теме просвещения, в первом случае, опровергая заключение, что он воюет против «просвещения народного» [8, 436]; во втором – вывод, будто он отвергает «потребность просвещения европейского» и считает «ненужным для русского знать весь трудный <путь?> совершенствования человеческого» [8, 437]. Ни в том, ни в другом случае Гоголь не отказывается от своих мыслей, изложенных в книге «Выбранные места из переписки с друзьями», но хочет подчеркнуть диалектическую сложность своей позиции, предполагающей, что, не отгораживаясь от европейской образованности, русское просвещение может и должно сохранить свой самобытный характер: «И прежде и теперь мне казалось, что русский гражданин должен знать дела Европы. Но я был убежден всегда, что если, при этой похвальной жадности знать чужеземное, упустишь из виду свои русские начала, то знания эти не принесут добра, собьют, спутают и разбросают мысли, наместо того, чтобы сосредоточить и собрать их» [8, 437].

Однако то, что сформулировано на уровне идеи, еще далеко не стало опытом внутреннего бытия личности и отразившийся в «Авторской исповеди» процесс самосознания демонстрирует, насколько глубоко опыт европейского просвещения укоренен в личности самого писателя. Остановимся на двух примерах.

Описывая свой путь ко Христу через изучение «законов, которыми движется человек и человечество вообще», Гоголь отмечает: «Поверкой разума поверил я то, что другие понимают ясной верой и чему я верил дотоле как-то темно и неясно. К этому привел меня и анализ над моею собственной душой: я увидел тоже математически ясно, что говорить и писать о высших чувствах и движениях человека нельзя по воображенью...» [8, 444]. В духовном опыте Гоголя движущей силой в процессе обретения веры оказывается «разум», и, хотя Гоголь использует слово, в славянофильском дискурсе намеренно противопоставленное понятию «рассудок»¹, но очевидно, что речь идет скорее о логической, аналитической способности души, а не о том целостном разуме, который И.В. Киреевский называл «жизненным и живым умозрением» [9, 231], «высшим смыслом ума» [9, 272]. Отсюда появляющееся в тексте «Авторской исповеди» противопоставление «разума» – «ясной вере»; использование выражений научного словаря: «анализ», «математически ясно», «изучение законов» и др.

Для нашей темы принципиальное значение имеет свидетельство Гоголя о том, что вера для людей европейской культуры является не априорной данностью, а плодом целенаправленных духовных усилий. Аналогичные свидетельства можно найти в личных письмах И.А. Аксакова² и А.И. Кошелева, в дневниках И.В. Киреевского³.

1. Ср. у А.С. Хомякова: «Полнота и цельность разума во всех его отправлениях требуют полноты жизни; и там, где знание оторвалось от жизни, где общество, хранящее это знание, оторвалось от своей родной основы, там может развиваться и преобладать только рассудок, – сила разлагающая, а не живительная, сила скудная, потому что она может пользоваться только данными, получаемыми ею извне, сила одинокая и разъединяющая». – Хомяков А. С. О возможности Русской художественной школы // Хомяков А.С. Полное собр.соч. : В 8 т. Т.1. М., 1900. С. 73.

2. «Во мне так глубоко и сильно желание быть истинным православным, что я могу по одному этому им называться. И, я знаю, что приду к этому вполне, но чувствую, что не должен в этом деле поступать слишком быстро, так сказать, брать веру штурмом, натиском, наскоком». – Аксаков И.С. Письмо А.И. Кошелеву от 19 июля 1852 года // РО ИРЛИ «Пушкинский дом». Ф. 3. Оп. 2. № 20. Л. 6-7об.

3. «Не только смысл логический, но и нравственный смысл и даже смысл изящного должен быть сильно развит в человеке для того, чтобы его ум был проникнут живым убеждением в бытии Единого Бога, Всеблагого и Самомудрого Промыслителя. Из собрания отдельных

В этом процессе поиска веры особую роль играют способности разума, ума как мыслительной, познавательной способности человека, доверие к которой воспитывалось новоевропейской философией, начиная с Декарта, и вошло в плоть и кровь европейского человека. Знаменательны в этом отношении некоторые расставляемые Гоголем в «Авторской исповеди» акценты: Христос назван «наиумнейшим» [8, 461] человеком, а главной руководящей силой жизни оказывается не дух и благодать, а «закон Христов» [8, 461].

Другим примером влияния традиции европейского просвещения на личность и творчество Гоголя можно назвать присущий ему как писателю способ познания действительности, по крайней мере, ту его форму, которая была зафиксирована в тексте «Авторской исповеди». Гоголь неоднократно повторяет, что ему как писателю для создания целостного образа человека или всей России необходимо сначала собрать все мельчайшие детали и подробности, и лишь затем соединить их в целостное единство: «Это полное воплощение в плоть, это полное округление характера совершалось у меня только тогда, когда я заберу в уме своем весь этот прозаический существенный дряг жизни, когда, держа в голове все крупные черты характера, соберу в то же время вокруг его всё тряпье до малейшей булавки, которое кружится ежедневно вокруг человека, словом — когда соображу всё от мала до велика, ничего не пропустивши» [8, 453]. Причем процесс синтеза, схватывания целого стимулировался в творческом опыте Гоголя внешним дистанцированием от постигаемого объекта – чтобы познать Россию, нужно покинуть ее пределы: «Словом — во всё пребыванье мое в России Россия у меня в голове рассеивалась и разлеталась. Я не мог никак ее собрать в одно целое» [8, 451–452].

В гносеологических построениях славянофилов анализу и синтезу как логическим операциям и методам научного познания противопоставлялся иной способ постижения истины, предполагающий качественное изменение самого инструмента познания: «Но в том-то и заключается главное отличие православного мышления, что оно ищет не отдельные понятия устроить сообразно требованиям веры, но самый разум поднять выше своего обыкновенного уровня — стремится самый источник разумения, самый способ мышления возвысить до сочувственного согласия с верою <...> Первое условие для такого возвышения разума заключается в том, чтобы

умственных и душевных сил в одну совокупную деятельность, от этого соединения их в первобытную цельность зажигается в уме особый смысл, которым он познает предметы, зрению одного рассудка недоступные». – Киреевский И. В. Дневник. 1852–1854 годы // Киреевский И.В., Киреевский П.В. Полн.собр. соч. : в 4 т. Т. 3. Калуга, 2006. С. 272.

он стремился собрать в одну неделимую цельность все свои отдельные силы, которые в обыкновенном положении человека находятся в состоянии разрозненности и противоречия; <...> чтобы постоянно искал в глубине души того внутреннего корня разумения, где все отдельные силы сливаются в одно живое и цельное зрение ума» [10, 249]. Безусловно, что для славянофилов обретение такого «корня разумения», позволяющего видеть целое, возможно не внешним образом, а только на путях личного духовного подвига (И.В. Киреевский) или в живом общении Церкви (А.С. Хомяков).

Гоголь также ищет этого высшего умозрения, понимая, что его дает любовь, как внутреннее чувство сопричастности всему существующему («... точно как бы предчувствовал, что узнаю цену России только вне России и добуду любовь к ней вдали от нее» [8, 450]), но поиск не становится еще жизненной реальностью, возможно потому, что Гоголь ориентируется на личное самосовершенствование больше, чем на исцеление в живом церковном единстве.

Д.С. Мережковский в своей книге «Гоголь. Творчество, религия и жизнь» писал об отношении Гоголя к европейскому просвещению: «Гоголь не противопоставляет ни христианства просвещению, как славянофилы, ни просвещения — христианству, как западники, — он соединяет эти «два начала» в одно. Гоголь с такой силой, как никто из людей современной Европы, почувствовал, что первая и последняя сущность христианства — не мрак, а свет, не отрицание, а утверждение мира, не распятие, а воскресение плоти, не бесплотная святость, а святая плоть» [11, 157]. Делая скидку на определенную схематичность, присущую эссеистическому языку критика-символиста, можно согласиться с его утверждением о том, что Гоголь интуитивно обнаружил отсутствие жесткой границы между просвещением в новоевропейском и церковном смыслах этого слова. Пытливый, ищущий и сомневающийся разум человека европейской культуры

может стать своеобразным путем к обретению веры и, наоборот, просвещение человека светом Христовой истины способно разбудить его разум и открыть путь к богатствам общечеловеческого знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Киреевский И.В. Полн. собр. соч. : в 2 т. / И.В. Киреевский. – Т. 1. – М., 1911.
2. Хомяков А.С. Полн. собр. соч. : в 8 т. / А.С. Хомяков. – Т. 1. – М., 1900.
3. Анненкова Е.И. «Русский человек» / «западный человек в осмыслении славянофилов / Е.И. Анненкова // Анненкова Е.И. Гоголь и русское общество. – СПб., 2012.
4. Аверьянова М.А. Н.В. Гоголь и славянофилы о характере русского просвещения // Литература и история: сборник научных статей – Вып. 2. – М., 2001.
5. Сартаков Е.В. «Просвещенный верою»: проблема сути истинного просвещения в книге Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» и русской консервативной журналистике первой половины 1840 гг. / Е.В. Сартаков // Медиаскоп. Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. 2013. Вып. 4. – Режим доступа : <http://www.mediascope.ru/node/1420>
6. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями / Н.В. Гоголь // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. : в 14 т. – Т. 8. – М. : Л., 1952.
7. Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России / А.С. Хомяков // Хомяков А.С. Полн. собр. соч. : в 8 т. – Т.1. – М., 1900.
8. Гоголь Н.В. Авторская исповедь / Н.В. Гоголь // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. : в 14 т. – Т. 8. – М. : Л., 1952.
9. Киреевский И.В. Полн. собр. соч. : в 4 т. / И.В. Киреевский, П.В. Киреевский. – Т. 3. – Калуга, 2006.
10. Киреевский И.В. О необходимости и возможности новых начал в философии / И.В. Киреевский // Полное собр. соч. : в 2 т. – Т. 1. – М., 1911.
11. Мережковский Д.С. Гоголь. Творчество, религия и жизнь. Д. С. Мережковский. – СПб., 1909.

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

Балакшина Ю. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы

E-mail: jbalaksh9@gmail.com

Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen

Balakshina Yu. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Literature Department

E-mail: jbalaksh9@gmail.com